

времени, в будущем это состояние (как якобы наблюдаемое в настоящем) может прекратиться. Лишь путем самоусовершенствования и через проявление подразумеваемых под Милостью качеств можно достигнуть и сохранить должное состояние.

Эта побудительность, нацеленная на все еще не определенное, открытое различным возможностям будущее, подчеркивается также формой строф. Четырехстопный ямб и рифмовка первых шести стихов (АБАБВВ) продолжают одическую традицию.³⁰ Однако одическая строфа состоит из 10 стихов, а здесь мы находим лишь семь, причем седьмой стих не рифмованный.³¹ Благодаря этому строфа остается как бы незавершенной, а ее исход открытым, подобно исходу всей представленной ситуации.

Такого рода критику по формальным признакам можно найти и в миниатюрном послании и похвальной анти-оде под названием

«Ответ моему приятелю,
который хотел, чтобы я написал
похвальную оду Великой Екатерине».

Уже это чрезмерно длинное заглавие по сравнению с краткостью стихотворения свидетельствует о дистанции по отношению к панегирической традиции и об иерархии «протагонистов» для автора: сначала называется актуальный жанр (ответ, не ода), потом личный приятель, которому адресован ответ в дружеской беседе, затем «я», представленное в качестве поэта, в третьей строке следует официальный жанр «похвальная ода», а в самом конце назван потенциальный адресат этого жанра — Екатерина II. Регулярных строф в этом произведении нет. Как и в посланиях 1794 г. к И. И. Дмитриеву и А. А. Плещееву, в нем имеются строфы различной длины (здесь: 9, 11 и 6 стихов). Анакреонтический отказ от сложного жанра торжественной оды оправдывается скудостью собственных талантов. Якобы по неумению поэт предпочитает негосударственные, незначительные, личные предметы:

Мне ли славить тихой лирой
Ту, которая порфиroy
Скоро весь обнимет свет?
Лишь безумец зажигает
Свечку там, где Феб сияет.
Бедный чижик не дерзает

³⁰ См., например: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984. С. 96—98.

³¹ Такой случай нерифмованного последнего стиха встречается у Карамзина всего лишь три раза (*Rothe H. N. M.* *Karamzins europäische Reise.* S. 346), а оба других случая представляют собой куплеты, рассчитанные на специфический голос, требующий, по всей вероятности, именно такой рифмовки.